

ВИКТОРИЯ СЕРЕДА,

кандидат социологических наук, ассистент
кафедры истории и теории социологии
Львовского национального университета
им. Ивана Франко

Особенности репрезентации национально- исторических идентичностей в официальном дискурсе президентов Украины и России

Abstract

The article is focused on the process of construction of an official model of historical past on the base of analysis of speeches of two Presidents of Ukraine (L.Kuchma and V.Yushchenko) and President of Russia (V.Putin) for the last decade (1994–2006). The researcher examines what kind of historical schemes (including historical commemorations, events, and heroes) was employed by each president in order to form a collective historical identity, as well as compares them. One of the key issues is to what extent Ukrainian and Russian ruling elites tried to create a historical rupture with cultural and political heritage of the Soviet past and encouraged the “revival” of some elements of pre-Soviet historical and other national traditions as well as formation of new ones.

После распада Советского Союза в обществах новообразованных государств начался процесс деконструкции коммунистической идеологии и реформатирования национальной идентичности. Данное исследование¹ касается двух постсоветских государств — России и Украины. Как и в случае появления других “изобретенных традиций”, потребность в создании новой исторической идентичности в этих странах возникла в период резких политических, социальных и культурных изменений, когда прежние советские идеологемы уже были неспособны выполнять объединительную и мобили-

¹ Исследование осуществлено в рамках совместного научного проекта Института социологии НАНУ и Института социологии РАН “Национально-гражданские идентичности и толерантность в Украине и России: сравнительный анализ” (№13-05/РГНФ 05-03-91-303ф/Ук.).

зационную функцию для большинства членов данного общества. Можно было надеяться, что в такой ситуации украинские и российские властные элиты попытаются “порвать” с советским историческим прошлым, чтобы тем самым ослабить символическую связь с дискредитированным наследием Советского Союза. Важным шагом для достижения этой цели могло стать активное “возрождение” отдельных элементов досоветской модели конструирования прошлого с параллельным формированием новых национальных традиций. Интересно проследить, пошла ли украинская и российская власть именно этим путем или же попыталась инкорпорировать старые советские исторические мифы и коммеморационные практики в новую модель репрезентации национальной истории? Украинский случай особенно интересен, поскольку в 2004 году во время президентских выборов страна пережила еще один политический кризис, в результате которого к власти пришла новая политическая элита.

Важным средством легитимации власти в модерном государстве является создание коллективных идентичностей, в том числе национальной и исторической, способных телеологически соединить существующий политический режим с событиями прошлого, циркулирующими в коллективной памяти рядовых граждан. В случае Украины этот процесс имеет важные географические/региональные измерения. Учитывая это, можно предположить, что в процессе формирования официального исторического дискурса украинская политическая власть сталкивается не только с конкурирующими идеологическими интерпретативными схемами истории, но и с различными региональными идентичностями. Видение прошлого, которое государство “навязывает” своим гражданам, должно быть сигнифицировано таким образом, чтобы оказаться приемлемым для максимально широких слоев общества. Интересным и плодотворным тут может стать сравнение с российским случаем — для этого мы попробуем проанализировать, как современная российская власть пытается популяризировать те версии прошлого, которые ограничивают влияние конкурирующих или альтернативных моделей исторического прошлого, представляющих угрозу для внутреннего единства государства.

Задача нашего исследования заключалась в анализе официальной модели исторического прошлого. В частности, нас интересовало, какие исторические аргументы, события и факты используют президенты обеих стран для создания коллективной исторической идентичности и формирования новых представлений о национальном прошлом. Такой анализ может выявить стратегии символического насилия, применявшиеся политическими элитами Украины и России для собственной легитимации и формирования чувства коллективной принадлежности граждан, а также роль, которую в этих процессах играет историческое наследие.

Для изучения официального исторического нарратива мы взяли публичные выступления двух Президентов Украины: Л.Кучмы с 1994-го по 2004 год и В.Ющенко с января 2004 года по июнь 2006-го, а также Президента России — В.Путина с декабря 1999-го по июнь 2006 года. Отсутствие доступного архива выступлений Президента России Б.Ельцина не позволяет провести аналогичный украинскому случаю сравнительный анализ официального исторического дискурса, представленного двумя президентами России, поэтому мы будем опираться только на выступления В.Путина. Для нашего анализа было использовано двухтомное издание публичных выступле-

ний Л.Кучмы с июля 1994-го по июль 2001 года. Тексты выступлений с июля 2001 года по декабрь 2004-го взяты с официальной веб-страницы Президента Украины. Все выступления В.Ющенко и В.Путина, цитируемые в данной статье, взяты с их официальных веб-страниц: <http://www.president.gov.ua> и <http://www.kremlin.ru>. Для анализа текстов применялись контент- и дискурс-анализ.

Анализ текстов выступлений обоих украинских президентов свидетельствует о том, что символический язык “национальной истории” и патриотизма является центральным не только для исторических, но и для других обращений. Так, у Л.Кучмы встречаем многочисленные упоминания и выражения, подчеркивающие важность исторического опыта украинцев для понимания настоящего и построения будущего: “история учит” [4], “история учит: память творит, а беспамятство разрушает” [2, с. 275], “прошлое ориентирует нас на создание будущего” [5], “настоящее и будущее вырастают из прошлого. И каждое следующее поколение должно извлекать из него уроки и выводы” [6]; “нас объединяет сыновья любовь к Украине, выросшая из общей истории, языка и культурного наследия и продолжающая подпитываться из этого вечного животворного источника” [2, с. 267] и т.п. Прошлое в выступлениях Л.Кучмы рассматривалось в рамках классического национального нарратива — как общее для всех украинцев, как поучительное и указывающее путь в будущее. Большинство исторических выступлений строилось вокруг идеи важности восстановления исторической памяти. Выступлениям Л.Кучмы свойственен дискурс “возвращения к истокам национальной идентичности” [8], “возрождения национальных традиций” [20] и т.п. Практически все “уроки истории” представлялись Л.Кучмой в соответствии с тем, что он очерчивает как “витальную потребность Украины” — “консолидация нации” [9], “общенациональный диалог” [10]. В обращениях В.Ющенко также прослеживается мотив необходимости восстановления истории (“не построишь будущего без правды. Один из моментов правды касается истории”; “нам нужно перестать бояться говорить о нашей истинной истории, нам нужно написать правдивые страницы этой истории”), однако в его текстах история предстает как территория конфликтов, которые можно преодолеть и через диалог достичь взаимопонимания:

“Наш внутренний национальный диалог по поиску исторической правды, безусловно, следует продолжать. Без эмоций, без деления на фронты, а таким образом, который продемонстрирует высокую культуру нашей нации, для которой нет тем запретных, а есть темы поучительные и консолидирующие. В этом контексте я вижу смысл в основании украинского форума взаимопонимания”.

“Я как Президент даю вам слово и обещаю, что мой труд будет направлен прежде всего на то, чтобы независимо от истории, этничности, языка, храмов мы были единой нацией”.

Таким образом, в большинстве своих исторических выступлений Л.Кучма использовал “эффект национальной амнезии” и конструировал именно такую модель исторического прошлого, которая способствовала “консолидации нации” благодаря отказу от любых идеологических экстрем: как крайне левой (коммунизм), так и крайне правой (этнический национализм), а также замалчиванию конфликтных и контрверзийных событий. В.Ющенко, напротив, впервые вводит в официальный исторический дис-

курс упоминания о тех исторических событиях, которых часто избегают украинские граждане либо они вызывают внутреннюю дискуссию; при этом он артикулирует места разрывов национального нарратива.

Конечно, было бы слишком большим упрощением рассматривать официальный исторический дискурс, представленный в выступлениях Президента Л.Кучмы, как легитимирующий украинское национальное прошлое и пытающийся вытеснить советское прошлое “навязыванием” новой модели украинского исторического прошлого людям с советским сознанием вопреки их стратегиям сопротивления, как это стараются представить отдельные исследователи (в частности, К.Ваннер [23]). Вместо попытки институционализировать традиционные украинские национальные праздники и традиции на общенациональном уровне, что соответствовало бы той модели украинского национального прошлого, о которой идет речь в книге К.Ваннер, официальная власть скорее пыталась превратить прежние советские праздники в новые украинские и таким образом преодолеть конфликт между советской исторической идентичностью и новой украинской лояльностью. С момента избрания Л.Кучмы Президентом Украины в новый украинский календарь постепенно вернулись практически все ключевые советские праздники: 23 февраля — переименованное в День защитника Отечества, 8 Марта, 9 Мая, 7 ноября, названное днем социальной гармонии. С 2003 года Президент возобновил традицию поздравлять граждан с такими советскими праздниками, как 1 Мая, День партизанской славы, а с 2004 года ввел еще один праздник, связанный с событиями Второй мировой войны, — День ветерана.

Неоднозначным было отношение Л.Кучмы к советскому прошлому и в его выступлениях. Так, давая оценку дискуссиям по поводу 80-летия Октябрьской революции, он настаивал: “Провозглашение 7 ноября на законодательном уровне, еще раз подчеркиваю — на законодательном уровне, днем взаимопонимания и примирения свидетельствовало бы, по моему мнению, об уровне цивилизованности нашего государства, мудрости его народа” [2, с. 275–276]. Начиная с 2003 года Л.Кучма, возобновив поздравления граждан Украины с днем 1 Мая, в своих выступлениях демонстрировал намерение “деидеологизировать” советское прошлое, “вмонтировать” его в новую официальную модель исторического прошлого, апеллируя к повседневным практикам:

“Мы помним Первое мая советского периода, когда участие в торжествах было добровольно-принудительным. Но и тогда мы не считали Первое мая праздником чисто идеологическим. Это был праздник Весны, когда все мы — в кругу семьи, с друзьями — отмечали обновление жизни. И тоталитарная идеология не могла выхолостить в нас человеческое. Прошли годы, и мы вернулись к истинному содержанию Первомая — Дня солидарности трудящихся” [12].

Попытки вплести старую советскую модель исторического прошлого в новый официальный дискурс наиболее четко обнаруживаются в обращениях Л.Кучмы, связанных с событиями Второй мировой войны. Именно советские дискурсивные рамки доминируют тут. В своих выступлениях он чтит память украинских советских солдат, погибших в Великой Отечественной войне, и не упоминал деятелей украинского национального подполья, игравших роль одной из ключевых групп стигматизированного “другого” в советском историческом нарративе.

В итоге культ героев Великой Отечественной войны, систематически развивавшийся в Советском Союзе, стал весомой составляющей украинского официального дискурса и практик коммеморации: “в горниле битвы с фашизмом родились нетленные ценности нашего народа, не подлежащие сомнению или пересмотру” [13]. В своих речах Л.Кучма обычно избегал четкого размежевания между советской и украинской Родиной:

“Неподвластен времени подвиг победителей, отстоявших свободу, честь и независимость своей Отчизны, очистивших родную землю от чужеземного нашествия, принеших свободу порабожденной Европе. Украина внесла огромный и достойный, признанный международным сообществом вклад в этот подвиг” [14].

“Воздавая дань уважения и любви защитникам и освободителям Отчизны, мы не перестаем оплакивать миллионы мирных своих соотечественников, погибших от преступных рук. Человечество ждал апокалипсис, если бы путь коричневой чуме не преградили советские воины, партизаны и подпольщики. Они защищали прежде всего родную землю, свои семьи и свои дома. И нет войны более справедливой и священной. В этом главном смысле она была и останется в истории как Отечественная” [3, с. 330].

Однако Л.Кучма не прилагал усилий для создания такой модели советских празднований, которая была бы приемлемой для западных регионов Украины. Он полностью игнорировал в своих выступлениях предложения праздновать 9 мая не как день победы советской армии, а как день завершения Второй мировой войны.

Вместе с тем Л.Кучма в своих выступлениях, посвященных Второй мировой войне, полностью игнорировал националистический миф об украинском подпольном движении ОУН-УПА, направленном как против нацистской Германии, так и против советской армии. Однако, учитывая то, что миф борцов ОУН-УПА является важной составляющей украинской модели национального прошлого и коллективной памяти жителей Западной Украины, Президент избегал открытой критики этих событий. В отличие от официальной советской модели, Л.Кучма в своих выступлениях никогда не говорил о коллаборации украинских националистов с нацистами. Он осторожно обходил любые упоминания о внутренних конфликтах, имевших место в украинском обществе в годы Второй мировой войны. Подчеркивая героические свершения украинцев, составлявших часть советской армии, он конструировал коллективную амнезию относительно деятельности западноукраинского подполья. Аналогична ситуация и с темой Холокоста. Единственный раз Президент Л.Кучма обращался к этой тематике (хотя во всем выступлении не было ни одного упоминания о Холокосте или жертвах еврейского народа) в своей речи, посвященной 60-летию трагедии Бабьего Яра. В остальных обращениях по случаю событий Второй мировой войны эта тематика отсутствовала. Наши наблюдения подтверждает и исследование В.Кравченко, который, на основе анализа советского прошлого в исторической памяти современного украинского общества подчеркивает, что празднование Дня Победы и советское трактование Великой Отечественной войны, часто противопоставлявшееся концепции Второй мировой войны, занимали особое место в государственной политике украинского руководства вплоть до “оранжевой революции” [22, с. 342].

Характерную тенденцию обнаруживает анализ частоты обращений Л.Кучмы и В.Ющенко к исторической тематике. Заметно постоянное уве-

личение количества обращений у обоих украинских президентов к историческому прошлому (у Л.Кучмы — от 1 упоминания в 1994 году до 10 в 2004-м; у В.Ющенко в 2005 году — 23, в первой половине 2006-го — 18). Кроме того, у В.Ющенко находим еще 19 упоминаний о тех или иных исторических событиях в выступлениях, непосредственно не касавшихся истории. Можно утверждать, что В.Ющенко весьма активно использует историческое прошлое для обоснования современной ситуации в Украине и ее места в глобальном пространстве.

Еще одна, общая для Л.Кучмы и В.Ющенко, черта заключается в том, что основным фокусом их обращений является Вторая мировая война: среди 38 обращений Л.Кучмы, посвященных тем или иным историческим событиям, — 12 (31,6%) относятся к этой тематике, у В.Ющенко — 11 (или 27%).

Следующими по частоте обращений в официальных выступлениях Л.Кучмы являются три утверждающих государственность события: День Соборности и провозглашение УНР (7,9%), День Независимости (7,9%) и День Конституции (7,9%). Столько же упоминаний посвящено Дню памяти жертв Голодомора (7,9%).

У нас было недостаточно материала, чтобы проанализировать частоту упоминаний о других исторических праздниках в официальных речах В.Ющенко, поскольку они имеют преимущественно календарно-циклический характер (на данный момент прошло всего 1,5 года с момента его избрания). Обратимся к содержательному анализу выступлений нового украинского Президента и попытаемся проследить основные элементы артикулируемой им исторической модели. Далее по частоте обращений после событий Второй мировой войны в его речах фигурируют упоминания о Голодоморах 20-х, 30-х и 40-х годов прошлого века (16 упоминаний — 9,5%), репрессиях и депортациях (14 упоминаний — 8,3%), Холокосте и страданиях в концлагерях (13 упоминаний — 7,7%), периоде козаччины (13 упоминаний — 7,7%) и принятии Филиппом Орликом “первой в Европе Конституции” (9 упоминаний — 5,3%).

Как видим, В.Ющенко обращается преимущественно к драматическим событиям XX века. Нарратив, выстраивающийся на этой основе, апеллирует к теме страданий и виктимности. Вместе с тем он является полифункциональным и сочетает два дискурса — национальный и либеральный.

С одной стороны, апелляция к драматическим событиям призвана консолидировать национальное сообщество, закрепить чувство общности через пережитое:

“Наша победа — это праздник украинской государственности. В этот день вспомним героев, павших за Победу, мучеников Освенцимов и ГУЛАГов, жертв Голодоморов, депортаций и Холокоста”.

“Самые большие в истории человечества трагедии стали испытанием для нашей нации в прошлом веке. Дважды мировыми войнами, Голодомором и Холокостом, уничтожением духовных святынь чужие империи хотели превратить нашу землю в свою покорную окраину. Древо нашего рода потеряло много лучших ветвей. ... Мы, украинцы, познали великую историческую истину — только свобода спасет народ, только независимость выведет его на ясные зори и тихие воды”.

С другой стороны, в речах В.Ющенко формируется такая модель исторического прошлого, которая соответствует построению инклюзивной по-

литической нации, базирующейся на принципах мультикультурализма и взаимной толерантности. Соответственно национальный нарратив выстраивается вокруг исторических событий, значимых для разных национальных групп, проживающих на территории Украины:

“Я — сын нации, пережившей самые страшные трагедии XX века — Голодомор и Холокост. 60-летие Победы Объединенных Наций над нацизмом еще раз напоминает о нашем долге — искоренить любые проявления антисемитизма и ксенофобии, гарантировать права меньшинств”.

“Для меня Освенцим отдается в сердце личной болью, подробностями отцовских рассказов, которые я передаю своим детям, горсткой земли, на которой я поклялся никогда не допустить в Украине никаких проявлений антисемитизма или любой нетерпимости к другим нациям, религиям, языкам и культурам. Освенцим и гитлеризм, ГУЛАГ и советский тоталитаризм, Холокост и Голодомор в Украине в 1932–1933 годах, унесший почти 10 миллионов людей и долгие годы замалчивавшийся сталинским режимом, железный занавес, депортация целых народов и расстрелы мирных демонстрантов, преследование инакомыслящих и другие ужасы, которые пережила Европа в двадцатом веке, заставляют нас в первую очередь помнить об общей ответственности за судьбу каждой европейской страны, о недопущении линии раздела и построения новых берлинских стен, за которыми можно безнаказанно совершать и скрывать любые преступления”.

Мультикультурный дискурс артикулируется В.Ющенко и путем введения новой традиции — поздравления представителей крупнейших религиозных конфессий в Украине (православных и греко-католиков, римо-католиков, мусульман и иудеев) с их наиболее важными религиозными праздниками, обычно составляющими национальный календарь.

Вместе с тем основная часть исторических лиц и событий, артикулируемых в выступлениях В.Ющенко, касаются украинской модели национального прошлого. Апеллируя к историческому прошлому, он активно пытается “вписать” Украину и ее историю в более широкий (центрально-)европейский или глобальный контекст:

“Американская Конституция осуществляла прорыв в извечной борьбе человечества за свободу. Именно отсюда [с Филадельфии] началась ее победная поступь. Она продолжается уже более двух веков. Ее не останавливают ни железные занавесы, ни колючая проволока на границах, ни старые линии раздела. Польская “Солидарность”, чешская бархатная революция, падение берлинской стены — за жизнь только одного поколения людей демократия полностью изменила европейское пространство. Украинская нация первой продолжила эти изменения в XXI веке”.

Пожалуй, можно было ожидать, что В.Ющенко, который в ходе президентской кампании 2004 года позиционировался СМИ как национально (если не националистически) ориентированный политик, будет стремиться полностью вытеснить из своего дискурса элементы исторической модели советского прошлого. Однако, как показывает анализ, он активно продолжает начатую Л.Кучмой тенденцию поздравления граждан с такими советскими праздниками, как 23 февраля (“Поздравления ветеранов Великой Отечественной войны и военнослужащих Вооруженных Сил Украины”), 8 Марта, 9 Мая, День партизанской славы, День ветерана, День славянской письменности и культуры, хотя несколько смещает акценты. Единственный

советский праздник, имевший место в приветствиях Л.Кучмы, но отсутствующий в выступлениях В.Ющенко, — 1 Мая.

Конструируя официальный исторический дискурс, В.Ющенко достаточно селективно обращается к советскому прошлому, выбирая центральной темой именно события Второй мировой войны. Но, в отличие от Л.Кучмы, приветствуя героев Второй мировой войны, В.Ющенко больше подчеркивает украинские достижения или потери:

“Война всегда имеет человеческое измерение. Олесь Гончар, Олена Телига, Алексей Берест и многие другие — каждый из них и миллионы других украинцев любили свою страну, любили Украину. Каждый из них защищал и погибал собственно за Украину”.

“Сегодня, в день 9 Мая весь украинский народ чтит каждую невинную душу, погибшую во время войны; каждого воина, боровшегося за свободу; каждое сердце, болевшее за Украину”.

“Вся украинская нация в едином порыве боролась за свою державу. Сыны и дочери Украины шли ради нее на смерть и страдания, хотя по-разному видели ее путь в будущее”.

Дискурс В.Ющенко о Второй мировой войне представляет собой некий гибрид, в котором, с одной стороны, используются элементы советской героической риторики о Великой Отечественной войне, далекие от рационального осмысления этих событий, а с другой — впервые в официальный исторический дискурс вводится проблема Холокоста в Украине (хотя и не поднимается вопрос о роли украинцев в уничтожении евреев), депортации крымских татар¹, а также тема украинского подполья. При этом ударение делается на необходимости взаимопонимания и взаимопрощения:

“В единой братской могиле похоронены евреи и украинцы, русские и цыгане, венгры и поляки. Все они — дети украинской земли, и сегодня мы вспоминаем каждую невинно уничтоженную душу. Наша память должна стать предупреждением для всех, кто пытается посеять зерна раздора в нашей многонациональной семье. Украина пережила и Голодомор, и Холокост”.

“Убежден, что в этот день [9 Мая] достойны слов солидарности наши соотечественники — крымские татары, которых с особым цинизмом поразила и война, и послевоенные репрессии”.

Все эти вопросы замалчивались как в советском дискурсе, так и в речах Л.Кучмы. Поздравив участников украинского освободительного движения по случаю 63-й годовщины создания Украинской повстанческой армии, В.Ющенко впервые вводит это событие в официальный исторический дискурс Украины. Начав диалог вокруг украинского повстанческого движения, В.Ющенко делает первые шаги по демифологизации советского нарратива Великой Отечественной войны и созданию такой модели празднований, которая была бы более приемлемой для жителей западных регионов Украины.

“Украинцы встали на защиту своей Родины, мужественно боролись на всех фронтах, ковали победу в тылу, в партизанских отрядах, в подполье на оккупированной территории. Неотъемлемой частью этой борьбы

¹ У Л.Кучмы есть выступления в связи с годовщиной депортации крымских татар, однако в своих обращениях, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, он никогда не упоминает крымских татар.

стало украинское освободительное движение, участники которого отстаивали суверенное право нашего народа жить в собственном государстве, дружбе и согласии. Настало время примирения и взаимного прощения в нашем обществе. Наши ветераны внесли свой вклад в уникальную победу во Второй мировой войне, в Великой Отечественной войне. Благодаря этому состоялась и Украина”.

“Прошло 60 лет после Великой Победы. В своих сердцах мы простили немцев, японцев, поляков. Мы простили всех, кто, возможно, был по другую сторону окопа. Мы не успели простить только самих себя. Ветераны Великой Отечественной войны, к сожалению, пока не подали руку ветеранам Повстанческой Армии”.

В процессе формирования воображаемого социального пространства каждой национальной группы важную роль играет мифологизация национальных героев, в которой активное участие принимают политические элиты. Проанализировав речи Л.Кучмы, можно утверждать, что в своих обращениях он избегал любых упоминаний (как позитивных, так и негативных) о деятелях национального героического пантеона, связанных исключительно с Западной Украиной, однако часто обращался к деятелям XIX и XX веков, действовавшим в центральных или восточных областях Украины: Б.Хмельницкому, Т.Шевченко, М.Грушевскому, М.Драгоманову. Именно эти фигуры сигнифицируются как новый украинский героический пантеон:

“Отдаем дань благодарной памяти величайшим фигурам и духовным отцам нации — от равноапостольного князя Владимира, Тараса Шевченко и Михаила Грушевского до известных и безымянных борцов за свободу и независимость Украины в более поздние и недавние времена” [15].

“Я возлагал цветы к памятникам Владимиру Святому, Тарасу Шевченко и Михаилу Грушевскому. Именно эти люди олицетворяют стремление украинского народа к своей государственности” [17].

“В созвездии выдающихся сынов и дочерей Украины поистине титанической фигурой является Богдан Хмельницкий, с именем которого связаны само бытие Украины, ее выход на арену мировой истории, первоосновы становления современной политической украинской нации. Подобно легендарным героям древности, Богдан для украинского народа является настоящим Отцом Отчизны, олицетворением единства и преемственности ее истории — от Киевских времен до героической Казацкой эпохи, национального возрождения и освободительной борьбы 20 века” [2, с. 107].

“В пантеоне национальных героев навеки запечатлены имена рыцарей воинской доблести и борцов за свободу Украины, государственных мужей и гениальных мыслителей, но на вершине исторического пьедестала был и остается Поэт. 190 лет назад украинская земля дала миру своего Мессию Тараса Шевченко — сына крепостного крестьянина, ставшего властителем в царстве духа” [19].

В своих выступлениях, которые артикулируют героев и героическое прошлое, Л.Кучма в основном упоминал наиболее известных исторических деятелей, являвшихся в свое время частью украинского советского нарратива и соответственно в равной мере позитивно воспринимающихся на Востоке и на Западе страны. Исключение составляет только М.Грушевский, культ которого (как первого Президента Украины) важен для обоснования легитимации современного института президентства и связанных с ним коммеморационных практик. В.Ющенко в своих речах, напротив, демонстрирует значительно

более широкий репертуар исторических событий или персоналий (свыше 50 исторических событий и более 60 исторических персоналий). Среди исторических деятелей, упоминающихся чаще всего, — персоналии, репрезентирующие национальную историю: Ярослав Мудрый, Владимир Великий, И.Мазепа, Ф.Орлик, Б.Хмельницкий, Т.Шевченко, М.Грушевский. Однако, конструируя исторический дискурс, В.Ющенко пытается выйти за рамки национального нарратива, активно используя в своих выступлениях региональные референтные образы-образцы (И.Франко, А.Шептицкий, Н.Руденко, И.Свитличный, В.Стус, И.Дзюба, А.Соловьяненко, С.Бубка, Р.Пономарев), а также известных мировых лидеров (Наполеон, У.Черчилль, Дж.Вашингтон, Дж.Кеннеди, Иоанн Павел II, Л.Валенса). Обращаясь к историческому прошлому страны, Л.Кучма преимущественно останавливается на отдельных событиях или героях и не выстраивает на их основе какой-либо более сложной модели или схемы. В.Ющенко, конструируя официальный исторический дискурс, часто выстраивает сложные цепи эквивалентности из разных исторических событий и/или персоналий, которые фиксируются доминирующими определителями: нация, демократия, общее европейское пространство:

“Русь-Украина сама свободно выбрала себе веру, и князь Владимир крестился не вождем покоренного племени, а властелином государства, раскинувшегося от Крымского Корсуня до Балтийского берега. Союз с той древней Украиной искали и Византия, и мусульманский мир, и европейские государства. Из тех веков в наши сердца пришла уверенность — мы можем сами определять свою судьбу, мы можем быть равными среди равных в кругу других народов. Украинская казацкая держава передала нам твердое убеждение — каждый имеет свои права и свободы, у каждого есть святой долг защищать их. Там наши предки прошли науку чести и достоинства, равенства и демократии. Первая в Европе Конституция Филиппа Орлика — бессмертная слава украинской мысли и украинской свободы. Вся наша дальнейшая история убеждает — в народной памяти стремление к свободе осталось навсегда. Пророческое Шевченково слово, труд мыслителей и подвижников наших от Франко и Грушевского до Хвильового и Стуса вселили в нас непоколебимую веру в Украину”.

В выступлениях Л.Кучмы украинское общество представлялось как го-могенное и в прошлом, и в настоящем, и в будущем: “Мы доказали — и прежде всего самим себе — что являемся народом, духовным целым, объединенным как общей памятью о прошлом, так и заботой и ответственностью о будущем” [3, с. 217]. И далее: “Источник силы и твердости духа нашего народа, залог его исторической перспективы — в единстве украинских земель, сплоченности людей, общности их помыслов, планов и действий. Это завещали нам в начале XX века творцы и исполнители “Акта Злуки”. Это должны делом подтвердить в новом столетии мы — украинский народ” [3, с. 218]. Для речей В.Ющенко тема единства украинского общества также чрезвычайно важна, ведь после раскола, происшедшего в обществе в ходе событий ноября–декабря 2004 года, перед политическими элитами, которые пришли к власти, встала задача создания такого официального дискурса, который помог бы “сшить” общество. Тема единства присутствует почти во всех его речах и обращениях, однако здесь прослеживается сочетание национально-го и либерального дискурсов, а узловой точкой, вокруг которой выстраиваются цепи эквивалентности, служит лозунг из европейского дискурса о “единстве в разнообразии”:

“Мы знаем, что Украину строит каждый из нас, на каком бы языке он ни говорил, в какой бы храм ни ходил, каким бы политическим взглядам ни симпатизировал. У всех нас одна судьба и одна Украина”.

“Региональное многообразие следует рассматривать как основу украинской национальной идентичности. В этом, собственно, заключается наша сила”.

“Духовное возрождение нации должно опираться на собственную правдивую историю, которой предстоит пройти через сердце и душу каждого гражданина, каждой этнической общины Украины. Она должна быть без белых пятен или недоговоренностей, в равной мере “своей” для жителя Киева или Донецка, Львова или Симферополя. Это — основа для консолидации украинского общества”.

В речах обоих Президентов присутствует акцент связи Украины и ее прошлого с Европой. В выступлениях Л.Кучмы украинцы предстают как “великая нация в центре Европы”, которая когда-то играла важную роль в европейской истории:

“Мы стали европейцами не сегодня, о чем красноречиво свидетельствует наша история. Украина в течение многих веков была неотъемлемой частью европейской цивилизации, играла важную роль в ее становлении и развитии. Достаточно вспомнить средневековое Киевское государство, занимавшее влиятельное место среди тогдашних стран Европы. Поддерживать связи с ним считали за честь ведущие силы мира” [16].

“Мы — испокон веков — европейцы, здесь, на нашей земле, во времена великого Гомера прославились античные Ольвия и Херсонес, творил гениальный Овидий. Здесь встречал посланников Византии и принимал христианство великий князь Владимир — лидер одной из самых влиятельных в тогдашней Европе державы — Киевской Руси” [17].

Подобно Л.Кучме, В.Ющенко подчеркивает в своих выступлениях культурно-историческую принадлежность Украины к Европе. Ударение делается на ценностях демократичности и стремлении к свободе, доминирующих в современном западном политическом словаре. В своих обращениях В.Ющенко представляет их как изначально присущие украинцам:

“Наши предки издавна включились в процессы построения государства и законотворчества. “Русская правда” — кодекс законов Ярослава Мудрого — дала собственный, неповторимый ответ на проблему справедливости и правосудия. Первая в Европе Конституция Филиппа Орлика, написанная еще в 1710 году, предлагала путь к демократии в украинском казацком государстве. Поиск свободы, справедливости и чести стал поиском украинской идентичности в новые времена. Гений Тараса Григорьевича Шевченко возвестил о рождении в центре Европы украинской нации. Я вижу здесь многих людей, которые уже давно увидели Украину в семье европейских народов”.

“Корни Украины — в Европе. Ее история неотделима от хроники континента. Ее культура создавалась в едином европейском процессе, в ней оставили след и греческие полисы на берегах Черного моря, и постмодернизм конца XX века. Украинцы будут среди народов, которым предстоит определять новый облик Европы. Границы Европы определяют общины ценностями, которые исповедуют ее народы. Украинцы доказали — свобода, демократия и верховенство права являются их идеалами, которые они готовы защищать и утверждать”.

Как видим, официальный исторический дискурс и пропагандируемая им модель национального прошлого, проявившиеся в обращениях Президента Л.Кучмы в течение 1994–2004 годов, имели амбивалентный характер. Для определения национального прошлого он часто использовал события и праздники, содержавшие конфликтные идеологические и символические значения. С одной стороны, происходило активное “возрождение” отдельных элементов досоветской модели конструирования прошлого, таких как: Владимир Великий, Б.Хмельницкий, Т.Шевченко, с одновременным (пере)определением советских символов и формированием новых коммеморационных практик, например, Дня независимости или Дня Конституции:

“Украинский народ почти через триста лет после первой попытки закрепить украинскую государственность конституционно, осуществленной Филиппом Орликом в 1710 г., наконец скажет свое окончательное “да” конституционному оформлению своего продвижения от Киевского государства 10 ст. к новейшему Украинскому государству конца 20 ст.” [2, с. 191–192].

“Извечное стремление нашего народа к свободе нашло историческое воплощение 24 августа 1991 года в Акте провозглашения независимости Украины” [2, с. 203].

С другой стороны, не подтвердилось наше предположение о том, что украинские властные элиты этого периода попытаются “порвать” с советским историческим прошлым, чтобы тем самым ослабить свою символическую связь с дискредитированным советским политическим и культурным наследием. В речах Л.Кучмы, наоборот, наблюдалась постепенная инкорпорация прежних советских исторических мифов и коммеморационных практик в новую модель презентации украинской истории.

Подобное балансирование между украинским и советским прошлым, между прозападными и провосточными ориентациями, с одной стороны, могло способствовать созданию “усредненной” модели исторического прошлого, “сближению” регионов, а с другой — давало возможность каждому региону, в предложенных Президентом дискурсивных рамках, сигнифицировать свои элементы (праздники, персоналии, события) исторического прошлого и репродуцировать их в региональных коммеморационных практиках, тем самым воспроизводя имеющиеся различия. Такого мнения придерживается и В.Кравченко. Он считает, что возвращение в публичный дискурс советской исторической символики и мифологии не приведет к ощутимым изменениям в уже имеющихся национальных идентичностях населения и присущих каждой из них проекциях недавнего прошлого. Это полезно для политического выживания господствующей политической элиты, но в действительности только консервирует и углубляет раскол в обществе по культурным, языковым и региональным признакам [22, с. 364]. Подобные выводы подтверждаются событиями ноября–декабря 2004 года, когда общество продемонстрировало незаурядную мобилизационную активность на основе региональных, национальных и других социокультурных идентичностей.

В выступлениях В.Ющенко частота обращений к истории самая высокая, а репертуар используемых событий, фактов и персоналий — более широкий, чем у Л.Кучмы, однако структурно и тематически речи обоих президентов весьма подобны. Оба стараются сочетать в своих речах элементы национального и советского дискурсов, но прибегают при этом к разным стратегиям.

Л.Кучма использует стратегию национальной амнезии, а В.Ющенко — привлечения либерального дискурса единства путем осознания различий.

Далее мы рассмотрим особенности конструирования официального исторического дискурса в Российской Федерации и структуру пропагандируемой им модели национального прошлого на примере заявлений Президента, попробуем сопоставить их с украинским случаем. Анализ тематического содержания речей В.Путина свидетельствует о том, что частота обращений российского Президента к историческому прошлому существенно ниже, чем в случае его украинских коллег (по сравнению с В.Ющенко — в 6 раз). Но аналогично тенденции, которую мы наблюдаем у Л.Кучмы, в речах В.Путина фиксируется увеличение частоты обращений к истории с 8 в 2000 году до 13–15 в 2003–2004-м. На 2005 год (60-я годовщина окончания Второй мировой войны) приходится пик заинтересованности историей российского Президента (28 обращений).

В период общественных изменений перед властными элитами встает потребность в создании новых официальных моделей исторического прошлого, поскольку апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором новых политических институтов. Для достижения этой цели могут применяться две стратегии — “возрождение” отдельных элементов досоветской (национальной) модели конструирования прошлого и/или параллельное формирование новых. Мы видим это на примере выступлений В.Путина, где он отмечает годовщины основных политических институтов (10-летие принятия Конституции Российской Федерации, 100-летие российского парламентаризма, 80-летие Верховного Суда, 200-летие Министерства экономического развития и торговли) и ключевых культурных учреждений (225-летие Государственного Академического Большого театра, 200-летие музеев Московского Кремля). Видно также, что официальный исторический дискурс создает новые коммеморационные практики, среди которых — поздравление Президента, посвященное Дню принятия Декларации (который со временем трансформируется в День России), Дню Конституции и (с 2005 года) Дню национального единства. Однако следует отметить, что изменение исторических символов и значений, приписываемых определенным институтам, событиям или личностям, происходит не как процесс замены одного другим, а как сложная борьба, в результате которой происходит иногда частичное вытеснение, иногда частичное наложение и даже гибридизация моделей исторического прошлого. Помимо новоучрежденных российских праздников, некоторые праздничные речи В.Путина посвящены нескольким бывшим советским праздникам — День Победы, День защитника Отечества, 8 Марта, однако совершенно отсутствуют упоминания о 1 Мая или 7 Ноября. Этот перечень праздников подобен тому, который находим в речах В.Ющенко. Среди обращений российского Президента к советскому прошлому можем назвать поздравления по случаю 70-летия введения звания “Герой Советского Союза”, 80-летия принятия Плана ГОЭЛРО, 70-летия ДнепротЭС, 85-летия газеты “Известия”, вручения государственных наград СССР ветеранам Великой Отечественной войны и т.п.

Традиционно большое внимание российский Президент уделяет годовщинам разных воинских формирований (70-летие Президентского полка, 70-летие Воздушно-десантных войск, 100-летие подводного флота, 195-летие МВД, 50-летие со дня открытия космодрома Байконур) и ежегодному празднованию профессиональных праздников военных и силовых струк-

тур — Дня космонавтики, Дня внутренних войск, Дня сотрудников органов безопасности, Дня милиции. Одним словом, как и украинские президенты, В.Путин пытается инкорпорировать старые советские исторические мифы и коммеморационные практики в новую модель репрезентации российской истории, но делает это с большей интенсивностью. Абсолютное большинство (две трети) исторических событий, артикулируемых в официальном дискурсе В.Путина, приходится именно на советский период, остальные по-ровну делятся между досоветской и современной российской историей. Кроме приветствий, непосредственно посвященных тому или иному историческому событию или личности, российский Президент также использует ссылки на разные исторические факты и события в своих речах для интерпретации или легитимации широкого спектра явлений внутренней и внешней политики России.

Исторический дискурс, используемый российским Президентом, имеет две модальности — международную и внутреннероссийскую. Выступая на многочисленных международных встречах, В.Путин использует довольно широкий репертуар исторических деятелей и событий. В этих выступлениях в число исторических персоналий преимущественно включены известные российские и иностранные ученые и художники (А.Солженицын, Л.Гумилев, А.Толстой, Рерихи, Ф.Достоевский, А.Чехов, А.Пушкин, И.Кант, И.Гете, Т.Шевченко, А.Кунанбаев, А.Мицкевич) и выдающиеся политические деятели (Петр I, Екатерина II, Александр II, П.Столыпин, А.Линкольн, Наполеон, Ш. де Голль). Посредством обращения к таким референтным образам-образцам конструируется образ России как страны, имеющей органичную связь с европейским сообществом:

“Россия всегда ощущала себя неотъемлемой частью европейской цивилизации. Нас сближают общая история, давние политические, экономические и культурные связи. Давайте вспомним, что по территории Древней Руси шел легендарный путь “из варяг в греки”, объединявший север и юг средневековой Европы. Веками мы нарабатывали багаж сотрудничества, и сегодня, убежден, есть все необходимые условия для того, чтобы пополнить его новыми общими делами”.

“Российский народ всегда чувствовал себя частью большой европейской семьи, был связан с ней едиными культурными, моральными, духовными ценностями”.

Среди исторических репрезентаций прошлого, к которым апеллирует российский Президент в своих зарубежных выступлениях, весомое место занимают упоминания о примерах культурного взаимодействия или установления дипломатических связей России с ведущими государствами Запада:

“Российско-германским отношениям столько же лет, сколько самим нашим странам. Первые германские племена появились на территории России в конце первого века”.

“В этом году мы отмечаем и 200-летие Договора о содружестве между Россией и Францией”.

“История отношений России с Данией исчисляется веками. Еще в 1493 году в Копенгагене был подписан союзный договор, который имеет очень красивое название и хорошо звучит сегодня, — ‘О любви и братстве’”.

“Если окинуть взглядом два с лишним столетия наших отношений, то одно бросается в глаза сразу: на крутых поворотах истории, в так называемые “моменты истины”, когда на карту было поставлено подчас само

существование наших государств, Россия и Америка всегда стояли вместе. Они были вместе на заре американской независимости, когда — вспомним и об этом — русская императрица Екатерина II вежливо, но собственноручно и решительно отказала королю Георгу III в просьбе прислать русских солдат для участия в подавлении восстания в американских колониях”.

Выбор именно этих исторических событий и артикуляция их в официальных текстах В.Путина, произносимых в ходе международных визитов, призваны создать образ давности и непрерывности экономических, политических и культурных отношений России с главными западными партнерами, скрыть разрывы, возникшие в советскую эпоху.

Подобно тенденции, которую мы наблюдали в речах украинских президентов, В.Путин использует историческое прошлое для легитимации европейскости России, демонстрации ее принадлежности к единому европейскому пространству. При этом сравнение речей трех президентов выявляет следующее: в попытках “вписать” свою страну в европейское культурное пространство каждый из них апеллирует к историческому наследию древнерусского государства Рюриков. В процессе дискурсивного структурирования пространства нации происходит апроприация или “национализация” исторического события путем приписывания ему разных значений в рамках российского или украинского официального дискурса.

Л.Кучма: “Здесь [на нашей земле] возникла древняя европейская династия потомков легендарного Рюрика, состоявшая в родстве с правящими домами Германии, Польши, Англии, Чехии, Византии, Франции, Австрии, Венгрии, Дании, Болгарии, Норвегии”.

В.Ющенко: “Это наши, европейские ценности, и я убежден, что Украина находится не на обочине их формирования. В очень многих обстоятельствах мы были в фарватере формирования этих ценностей. Ярослава Мудрого называли тестем Европы, поскольку эта страна имела коммуникации со многими странами европейского мира”.

В.Путин: “Давняя история связей России и Франции дает прекрасную возможность едва ли не каждый год считать юбилейным в наших отношениях. Достаточно вспомнить, что 950 лет назад дочь Ярослава Мудрого Анна, став женой французского короля Генриха I, взошла на французский трон”.

Еще одна тенденция, которая прослеживается в текстах официальных речей В.Путина, заключается в том, что в своих зарубежных выступлениях он гораздо активнее использует элементы мультикультурного и либерального дискурсов, нежели внутри страны:

“Российская Федерация — это уникальное место на земле. Уникальность заключается в том, что здесь, как ни в каком другом месте планеты, десятилетиями и столетиями люди разных культур и разных религий не только уживались вместе, не только веками жили в мире и добрососедстве, но помогали друг другу и ощущали себя близкими родственниками”.

К тому же в свои международные выступления он включает упоминания о тех исторических событиях, которые замалчиваются во внутреннем национальном дискурсе и составляют часть национальной амнезии (например, Холокост, пакт Молотова–Риббентропа, события в Венгрии 1956 года, Голод в Украине, сталинские репрессии и т.п.).

Модель исторического прошлого, конструируемая В.Путиным для международного сообщества, включает также неоднократные обращения к

теме Великой Отечественной войны, выступающей центральным историческим событием для всего российского официального дискурса. Однако за пределами России это событие получает иную смысловую нагрузку:

“Вторая мировая война сплотила в общей борьбе людей разных национальностей и религий. Перед лицом общей угрозы объединились представители разных стран, различных политических взглядов и убеждений. Сейчас, когда в мире поднимает голову терроризм и экстремизм, такой опыт единства особенно ценен. Он, безусловно, ценен и для антитеррористической коалиции государств, где Россия является последовательным союзником и партнером”.

“Наши отцы и деды делили все тяготы войны, но не делили Победу в 1945 году. Не делим ее мы и сейчас. Вторую мировую войну выиграли все союзники по антигитлеровской коалиции, немецкие антифашисты”.

Основной упор делается на опыт объединения разных стран в борьбе против общего врага (нацизма). Посредством апелляции к событиям прошлого, в которых важнейшую роль сыграла Россия/Советский Союз, делается проекция на современную ситуацию — деятельность антитеррористической коалиции.

Осуществленный нами анализ официального исторического дискурса, в рамках которого формируются и репродуцируются новые модели российского национального прошлого, подтверждает вывод Л.Гудкова о том, что Великая Отечественная война является центральным элементом коллективной идентификации россиян, концентрирующим все самые важные линии интерпретаций современности [1, с. 12]. Из общего количества речей Президента РФ, посвященных историческим событиям, 43% непосредственно касаются Великой Отечественной войны, еще 7,5 % посвящены Дню защитника Отечества (во время празднования последнего В.Путин выступает на собраниях ветеранов, а тексты своих речей структурирует вокруг Великой Отечественной войны). Президент России обращается к теме войны и победы еще в 10% своих обращений, посвященных другим историческим событиям (300-летию Санкт-Петербурга, 1000-летию Казани, 100-летию подводного флота и др.), а также в 25 обращениях, совсем не посвященных исторической тематике. Таким образом, в модели исторического прошлого, пропагандируемой российским официальным историческим дискурсом, Великая Отечественная война служит той узловой точкой, которая фиксирует цепи эквиваленции и структурирует означающие. В речах В.Путина День Победы определяется как “Великий и священный”, “самый главный”, “самый народный”, “самый родной, искренний и всенародный”, “дорогой и светлый”, “день национальной гордости”, “вершина славы”, “день нашего величия”, а Великая Отечественная война — как “жестокая”, “справедливая”, “праведная”, “героическая” и “легендарная”. Такого рода героизация и сакрализация события, которое фиксируется как центральный элемент модели исторического прошлого, пропагандируемой официальным дискурсом (“опорная точка нашей великой истории”, знание и память о которой обуславливают “бессмертие и величие Родины”), делает невозможной репрезентацию гетеротопности прошлого или попытку его рационального переосмысления. Этот героический дискурс пытается максимально маргинализировать любые проявления контр-памяти. В.Путин подчеркивает, что “святой долг каждого российского гражданина — хранить память об этом великом подвиге, уважать его как историю доблести, высокого патриотизма и

силы духа”, он утверждает, что “правду об этой войне мы будем отстаивать. Борьба против любых попыток эту правду переименовать или исказить, принизить и пренебречь памятью павших. Потому что историю нельзя обмануть”. Здесь видим отличия в позициях В.Ющенко и В.Путина в плане переосмысления наследия Второй мировой войны. Как уже упоминалось, украинский Президент в своих речах впервые вводит в мифологизированный дискурс Великой Отечественной войны элементы других контрнарративов, создавая дискуссионное поле. Президент России, напротив, занимает весьма активную позицию в фиксации и пропагандировании ценностей, воспроизводящих советские модели героизации Великой Отечественной войны, служащие основой консолидации общества и легитимации политического курса страны. Это находит отражение в конструировании коммеморационных практик. В 2005 году подготовка к празднованию 60-летия Победы объявляется “важнейшей общенациональной задачей” и определяются основные направления работы: “мы обязаны содержательно акцентировать решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма”; “в оставшееся до юбилея время задать тон, соответствующий той роли, которую сыграла наша страна, наша армия, наш народ в Победе во Второй мировой войне. Именно с таким пониманием Великой Победы нужно подойти к организации всех мероприятий юбилея”; “Еще раз повторю: события Великой Отечественной — это опорные точки нашей великой истории, неисчерпаемый источник преемственности поколений и победоносных традиций в воспитании молодежи. И в таком ключе нужно строить и информационную кампанию, и всю культурно-просветительскую и патриотическую работу внутри страны. Второй важный аспект — это военно-мемориальная деятельность”.

Подобно тенденции, которую мы отмечаем в выступлениях Л.Кучмы, в речах российского Президента также прослеживаются попытки — параллельно с институционализацией на общенациональном уровне новых национальных праздников — превратить прежние советские праздники в новые и таким образом преодолеть конфликт между советской и национальной моделями прошлого. Коммеморации событий Великой Отечественной войны (включая отмечание Дня защитника Отечества) в обращениях В.Путина становятся теми ключевыми праздниками, вокруг которых структурируются и объединяются два дискурса — национальный и советский. Причем если в речах Л.Кучмы наблюдается постепенное вытеснение советского дискурса национальным, то в речах В.Путина они используются иногда параллельно, а иногда — как взаимодополняющие (“Россия испокон веку была страной-победительницей”; “истоки народной гордости и российского патриотизма”; “какую роль в Победе сыграло наше Отечество”; “фашистская агрессия против нашей страны оказалась наиболее жестокой. Ее целью было не только подавление воли, не только порабощение, но и уничтожение целого народа”; “Память о величии подвига советского народа”; “вы укрепили славу советского и российского оружия”; “все народы многонационального Советского Союза внесли свой вклад в общую копилку Победы”; “Это наш общий праздник. И день нашей общей памяти о том, как вместе шли к Победе”). Как показывает анализ, российские элиты не пытаются “порвать” с советским историческим прошлым или ослабить свою символическую связь с наследием Советского Союза. Наоборот, героическая символика Победы в войне используется для легитимации советского прошлого, включая его тоталитарные проявления:

“Еще сложнее обстоит дело с символами советской эпохи. Потому что живы еще люди, которые на себе испытали все ужасы сталинских лагерей. И мы не можем этого, конечно, не учитывать. Но если мы будем руководствоваться только этой логикой, тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. И неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина? А как же победа весной 1945 года? Если мы подумаем обо всем этом, то мы признаем, что не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства. Другое дело, что они должны быть соответствующим образом оформлены и систематизированы. И в этом ряду должно быть найдено достойное место и красному знамени, потому что именно этого цвета было знамя Победы нашего народа в Великой Отечественной войне ... Красное знамя может стать официальным знаменем Вооруженных Сил России”.

В выступлениях В.Путина находим также попытки выборочной десталинизации советского прошлого. В одном из своих выступлений, отвечая на вопрос журналиста, российский Президент замечает:

“Сталин, конечно, диктатор. Это человек, который руководствовался в значительной степени интересами сохранения личной власти, и этим очень многое объясняется. Проблема заключается в том, что именно под его руководством страна победила во Второй мировой войне, и эта победа в значительной степени связана с его именем”.

Как справедливо отмечает Л.Гудков: “Не случайно по мере возрастания символического веса Победы в войне восстанавливается авторитет Сталина (и как главнокомандующего, и как вождя народа). Сталин не просто возвращается, изменяется (по сравнению с периодом перестройки) характер его роли. Чем выше статус событий “войны”, телеологически организованных как цепочки событий, ведущих к заданной наперед Победе, тем дальше отходит память о сталинских репрессиях” [1, с. 13].

События войны и топос Победы выступают не только как символический центр, вокруг которого структурируется, объясняется историческое прошлое, но и как точка отсчета (“наше духовное богатство и духовный маяк”), через которую легитимируются идентичности, в частности национальная (“В крови, в традициях нашего народа, народов России всегда была особая любовь к Родине, готовность к ее защите, к самопожертвованию, если нужно. Так было во все времена нашей великой истории”; “Мы отмечаем День Победы как день нашей национальной памяти и национальной гордости”; “Россию никогда не понять, если не знать, что же пережил наш народ во время войны”), гендерные роли (“И потому быть хорошим воином — это еще и быть настоящим мужчиной. Надо поклониться российским матерям, которые воспитывают солдат и настоящих мужчин. Тем, кто, провожая в армию сыновей, уверен в правильности сделанного ими выбора”; “Сегодня, 8 марта, мы, конечно, прежде всего должны вспомнить о тех женщинах, которые принимали активное участие в Великой Отечественной войне. Это матери, которые воспитали своих детей и сделали из них защитников России, настоящих защитников России”). Война выступает референтным “мерилом”, задающим определенную оптику оценки настоящего и будущего, становится основным мотиватором для выработки чувства единства и сплю-

ченности против существующих угроз (“Спустя вот уже шесть десятилетий нам по-прежнему важна и эта опаленная память, и проявленная народом сплоченность. И нужно четкое, ясное отношение к урокам войны в связи с опасностью современных угроз”). Упоминания о войне и победе и формирование устойчивых эмоциональных связей с этими событиями становятся основой государственных мобилизационных практик, приобретающих особую актуальность в условиях чеченского конфликта:

“Все, что заложено нашими ветеранами, — самый большой дар, доставшийся нам от прошлых лет. Это умение любить свою страну и не жалеть для ее развития и благополучия ничего, в том числе и собственной жизни”.

“Сегодня на параде — сыновья и внуки солдат Великой Отечественной. Они держат равнение на знамя Победы и готовы защищать Родину, суверенитет и достоинство страны, готовы, как вы, жить, трудиться и побеждать”.

Соответственно главным референтным образом-образцом в речах В.Путина становится человек в военной форме, для которого функционирование в экстраординарной модальности является нормой. Именно образ солдата или воина образует героическую основу национального прошлого:

“Вся история Государства Российского неразрывно связана с историей воинства. А армия была, есть и остается неотъемлемой составной частью самого народа российского. Этот крепкий союз был нужен нам всегда. Благодаря ему в самые тяжелые времена Россия отстаивала и свою независимость, и свое достоинство”.

“Вся история нашей страны буквально пронизана традициями, идеями и ценностями военного патриотизма. Патриотизм армии и гражданственность российского офицерства во все времена питали духовность российского общества”.

Даже такие “мирные” сферы общественной жизни, как культурная или научная, встраиваются В.Путиным в содержательный ряд, связанный с героизацией военных (“Офицер в России всегда был и символом мощи страны, и образцом личной чести. Во все времена наши военные отличались отвагой быть первыми. И не только в воинских победах: история страны знает немало примеров в области культуры, науки, инженерной мысли, образования. Среди военных были и авторы великих географических открытий, дипломаты, ученые, всемирно известные писатели — достаточно вспомнить только такие имена, как Лермонтов, Толстой, Даль, Крузенштерн, Пржевальский, и многие-многие другие”). Исходя из того, что события Великой Отечественной войны составляют фундамент доминантной парадигмы объяснения прошлого, В.Путин структурирует национальный метанарратив именно через военную историю и глорификацию побед, одновременно окончательно вытесняя из российского пространства нации всяческие упоминания о поражениях:

“Подвиги российского воинства навеки вплетены в летопись страны. Мы восхищаемся ратниками Дмитрия Донского и Александра Невского, ополченцами Минина и Пожарского, героями Бородинского сражения, склоняем головы перед мужеством и самоотверженностью, самопожертвованием солдат Великой Отечественной войны”.

“В этот торжественный момент мы находимся на величественной Соборной площади Московского Кремля. Именно отсюда отправлялись в поход дружины Дмитрия Донского, на этой площади триумфальным ко-

локольным звоном чествовали ополченцев Минина и Пожарского. В Кремле праздновал Полтавскую победу Петр I. Здесь стояли в развернутом парадном строю лучшие воины России”.

Весьма иллюстративна в этом случае роль новых российских праздников, ведь День России и День Конституции и их символика относятся к либерального дискурсу, который трудно сочетать с пафосно-военным:

“Сегодня мы отмечаем День принятия Декларации о государственном суверенитете России. С этого документа начался отсчет нашей новой истории. Истории демократического государства, основанного на гражданских свободах и верховенстве закона. Сегодня мы живем в другой стране. Изменилась сама природа российской власти, государственности, изменился ее конституционный строй”.

Вместе с тем либеральный дискурс не имеет такого мощного мобилизационного ресурса. Таким образом, конструируя национальный метанарратив, В.Путин обходит эти праздники стороной, поскольку они не вписываются в модель российского прошлого, в которой центральным структурирующим символом является Великая Отечественная война. Отличие официального исторического дискурса, репрезентируемого украинскими президентами, заключается в том, что для них День Независимости — это узловая точка, основной символ нации, представляемый как день “осуществления извечной мечты украинского народа”. Однако у российского Президента появляется потребность создания такого праздника, который бы, с одной стороны, символизировал новую российскую историческую традицию, не связанную с предыдущим политическим режимом, а с другой — вписывался в предлагаемую модель национального прошлого, для которой война и победа являются структурирующими означающими. Таким праздником становится введенный в 2005 году День национального единства, который может послужить интересным примером конструирования современных коммеморационных практик как “изобретенных традиций”. Объявляя новый государственный праздник, Президент России пытается легитимировать его через апелляцию к прошлому, создав иллюзию его историчности (“Сегодня мы впервые отмечаем День народного единства. Этот новый государственный праздник пока только входит в нашу жизнь, но его смысл и значение имеют глубокие духовные и исторические корни”). Артикулируя новую коммеморационную практику, В.Путин объединяет национально-патриотический дискурс, где узловой точкой является тема войны и победы, с элементами либерального и мультикультурного дискурса (единства в многообразии):

“Само название праздника настраивает на определенный лад. Всему наперекор звучит вдохновляюще — единение, народное единство. И повод замечательный. Мы знаем, что в 1611–12 годах здесь происходили очень серьезные события. Мы Кремль всегда называем политическим и духовным центром России. Когда здесь оказался неприятель, это поставило под угрозу существование всего Российского государства. То, что освобождение пришло именно в результате объединения народа, причем объединения народа самого разного — самых разных конфессий, национальностей, вы знаете, что собственно движение началось с Поволжья, с Нижнего Новгорода и с Казани, — это особенно символично и особенно важно для нашей многонациональной страны”.

“Это была победа патриотических сил, победа курса на укрепление государства за счет объединения, централизации и соединения сил. С этих ге-

роических событий началось духовное возрождение Отечества, началось становление державы — великой и суверенной. Пока мы будем ощущать такое единство внутри себя, до тех пор Россия будет непобедима”.

Предложенное определение празднования хорошо вписывается в пропагандируемую В.Путиным модель исторического прошлого. Однако учрежденные праздники оказываются успешными лишь тогда, когда они воспринимаются социумом и включаются в систему коллективных представлений об историческом прошлом. Остается опасность того, что новые праздники могут не восприниматься рядовыми гражданами, вызывая сомнения в их необходимости или валидности того прошлого, которое они призваны репрезентировать.

Наше исследование содержит только анализ структуры и образов прошлого, которые функционируют и репродуцируются в рамках официальных исторических дискурсов России и Украины, представленных в выступлениях президентов. Оно не учитывает доминирующие парадигмы понимания и объяснения прошлого, продуцируемых другими элитами России и Украины, а также тот факт, что упомянутые модели национального прошлого могут конфликтовать с “личной” памятью рядовых граждан. Чтобы судить о том, насколько удачны предложенные президентами России и Украины модели исторического прошлого и в какой мере они соответствуют историческим представлениям их граждан, нам следует провести дополнительное исследование и выяснить уровень интернализации описанных выше дискурсов.

В целом же в российских и украинских официальных исторических дискурсах много схожих элементов. Главным образом, это — слияние советского нарратива с национальным и включение в эту модель отдельных аспектов либерализма, а также подчеркивание собственной извечной европейскости. Однако соотношение этих элементов различно, что указывает на большую дистанцированность украинского руководства (особенно В.Ющенко) от советской модели исторического прошлого и его большую ангажированность в созидание новой политической нации, с одной стороны, а с другой — на ключевую роль военно-патриотической репрезентации прошлого в публичном дискурсе российского руководства.

Литература

1. Гудков Л. “Пам’ять” про війну та масова ідентичність росіян // Критика. — 2005. — № 5. — С.11–15.
2. Кучма Л. Вірю в український народ. — К., 2001. — Т.1. — С. 267.
3. Кучма Л. Україна — європейська держава. — К., 2001. — Т.2. — С. 330.
4. Вступне слово Президента України Л.Кучми на науковій конференції “Нові політичні реалії України на межі тисячоліть” 15 листопада 2000 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.
5. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Дня соборності України. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609416.html> 06.01.2005.
6. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Дня Перемоги. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/1027770823.html> 06.01.2005

7. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з посланням Президента України до Верховної Ради України "Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2000 році". 6 березня 2001 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.

8. Звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди Воскресіння Хрестового. 11 квітня 2004 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609416.html> 06.01.2005.

9. Націю звеличують великі цілі і діла. Виступ Президента України Л.Кучми у Верховній Раді України 22 лютого 2000 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.

10. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України "Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2003 році". 17 березня 2004 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/06.01.2005>.

11. Виступ Президента України Л.Кучми на III Всесвітньому форумі українців. Національний палац "Україна". 18 серпня 2001 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.

12. Президент України привітав український народ зі святом Першого травня. 30 квітня 2003 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/155082930.html> 06.01.2005.

13. Звернення Президента України з нагоди 58-ї річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні. 8 травня 2003 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/157194396.html> 06.01.2005.

14. Звернення Президента України Л. Кучми з нагоди 56-ї річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років. 9 травня 2001 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/27609454.html> 28.08.2001.

15. Виступ Президента України Л.Кучми на відкритті Монумента Незалежності України. 23 серпня 2001 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.01>.

16. Звернення Президента України Л. Кучми з нагоди Дня Європи. 15 травня 2004 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/06.01.2005>.

17. Звернення Президента України Л.Кучми з нагоди Дня Європи. 17 травня 2003 року. — <http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/159529275.html> 06.01.2005.

18. Телевізійне звернення Президента України Л.Кучми до українського народу з нагоди 11-ї річниці Незалежності України. 24 серпня 2002 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/90578343.html> 06.01.2005.

19. Президент України звернувся до українського народу з нагоди 190-річчя від дня народження Тараса Шевченка. 6 березня 2004 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/06.01.2005>.

20. Звернення Президента України Л.Кучми до козаків України з нагоди Дня українського козацтва. 14 жовтня 2003 року. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/198351042.html>. 06.01.2005.

21. Public Address of the President of Ukraine on the Occasion of Chernobyl Nuclear Power Station Closure. 15 December 2000. —

<http://www.president.gov.ua/activity/zayavinterv/speakto/28.08.2001>.

22. *Кравченко В.* Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab Imperio*. — 2004. — № 2. — С. 342.

23. *Wanner C.* Burden of Dreams. History and Identity in Post-Soviet Ukraine. — Pennsylvania, 1998.

24. <http://www.kremlin.ru>

25. <http://www.president.gov.ua>